

1. СЭМ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Солнце позднего августа с утра поджаривало Нью-Йорк все жарче, жарче, и к трем часам дня население города, исключая небольшое общество, собравшееся на десятом этаже Уилмот-Билдинга (Верхний Бродвей), по своего рода естественному разлому разделилось на две полновесные части. Составлявшие одну бродили сонными мухами и спрашивали всех встречных: «Жарко, а?» Сплоченные во второй утверждали, что жара — это ерунда, но вот влажность!

Ажиотаж на десятом этаже Уилмота вызвало спортивное состязание первостепенной важности — финал чемпионата по взбрыкиванию среди конторских рассыльных. Титул оспаривали Штырь Мэрфи из компании Джона Б. Пинсента «Экспорт-импорт» и стройный гибкий юноша из корпорации «Щипчики для бровей, пилочки для ногтей».

Поединок происходил в помещении первой из упомянутых фирм перед малочисленной, но избранной публикой. Три-четыре жующие резинку стенографистки, парочка-другая рабов потогонной системы без пиджаков и Сэмюэл Шоттер, племянник мистера

Джона Б. Пинсента, молодой человек симпатичной наружности, взявший на себя обязанности рефери.

Но Сэм Шоттер был не только рефери, а еще меценатом и организатором чемпионата — без его предприимчивости и провидения несметное богатство юных талантов прозябало бы в безвестности, ставя под угрозу шансы Америки на Олимпийских играх, буде их программа украсится еще и этим видом спорта. Именно Сэм, бродя по лабиринту конторы в неусыпных поисках, чем бы облегчить зеленую скуку работы, чуждой его вкусам, наткнулся в дальнем коридоре на юного Мэрфи, который отрабатывал у стены приемы взбрыкивания, и укрепил его в честолюбивом стремлении вскидывать ногу все выше и выше. Именно он устраивал встречи между представителями фирм на всех этажах здания. И это он из собственного кармана извлек призовую сумму, которую, когда натренированная нога Мэрфи ударила по штукатурке на целый дюйм выше достижения его соперника, приготовился вручить Штырю, сопроводив церемонию небольшой теплой речью.

— Мэрфи, — сказал Сэм, — бесспорный победитель. В состязании, проведенном с начала и до конца в лучших традициях американского брыканья в высоту, он достойно поддержал честь «Экс. и имп.» Джона Б. Пинсента и сохранил свой титул. А потому, в отсутствие шефа, который, к сожалению, отбыл в Филадельфию, почему и не смог украсить эту встречу своим присутствием, я с большим удовольствием вручаю ему заслуженную награду, великолепную долларовую бумажку. Возьми ее, Штырь, дабы в будущем, став седовласым муниципальным советником или кем-нибудь почище, ты мог бы вспомнить эту минуту и сказать себе...

Сэм умолк, оскорбленный в своих лучших чувствах. Ему казалось, что говорит он очень красноречиво, но его аудитория испарялась прямо на глазах, а Штырь Мэрфи и вовсе удирал во все лопатки.

— Сказать себе...

— Когда у тебя выберется свободная минута, Сэмюэл, — раздался голос у него за спиной, — я был бы рад побеседовать с тобой у меня в кабинете.

Сэм обернулся.

— А, дядюшка, как вы? — сказал он.

И кашлянул. Мистер Пинсент тоже кашлянул.

— Я думал, вы уехали в Филадельфию, — сказал Сэм.

— Вот как? — сказал мистер Пинсент.

И без дальнейших слов прошествовал в свой кабинет, откуда секунду спустя появился снова с терпеливо-вопросительным выражением на лице.

— Подойди сюда, Сэм, — сказал он, указывая пальцем. — Кто это?

Сэм заглянул в дверь и увидел развалившегося во вращающемся кресле тощего долговязого мужчину отвратного вида. Его большие ступни уютно покоились на письменном столе, голова свисала набок, рот был разинут. Из этого рта, весьма внушительных пропорций, вырвался булькающий всхрип.

— Кто, — повторил мистер Пинсент, — этот джентльмен?

Сэм невольно восхитился безошибочности инстинкта своего дядюшки, этой потрясающей интуиции, которая сразу же подсказала ему, что раз непрощенный и незнакомый гость почивает в его любимом кресле, значит, ответственность за это по необходимости падает на его племянника Сэмюэла.

— Боже мой! — воскликнул Сэм. — А я и не знал, что он тут.

- Твой друг?
- Это Фарш.
- Прошу прощения?

— Фарш Тодхантер, ну, кок с «Араминты». Помните, год назад я попутешествовал на грузовом судне? Так он был там коком. Сегодня я столкнулся с ним на Бродвее и угостил его завтраком, а потом привел сюда: ему хотелось посмотреть, где я работаю.

— Работаешь? — переспросил мистер Пинсент с недоумением.

— Но я понятия не имел, что он забредет к вам в кабинет.

Сэм говорил извиняющимся тоном, но был бы не прочь указать, что во всех этих прискорбных происшествиях, в сущности, виноват сам мистер Пинсент. Если человек создает впечатление, будто едет в Филадельфию, а сам туда не едет, то за дальнейшее должен благодарить только себя. Однако беспокоить дядюшку такой чисто академической тонкостью он не стал.

- Разбудить его?

— Будь так добр! А затем заведи его отсюда, оставь где-нибудь и возвращайся. Мне надо сказать тебе очень много.

Встряска энергичной рукой понудила спящего открыть глаза, и, все еще в сомнамбулическом состоянии, он разрешил, чтобы его вывели из кабинета и проводили по длинному коридору в каморку, где Сэм исполнял свои ежедневные обязанности. Там он рухнул в кресло и вновь уснул, а Сэм покинул его и вернулся к дяде. Когда он вошел в кабинет, мистер Пинсент задумчиво глядел в окно.

- Садись, Сэм, — сказал он.

Сэм сел.

- Я очень сожалею, что все так получилось, дядя.

- Что — все?
- Ну то, что происходило, когда вы вошли.
- А, да! Кстати, что, собственно, происходило?
- Штырь Мэрфи доказывал, что может брыкнуть выше, чем мальчишка из фирмы ниже этажом.
- И брыкнул?
- Да.
- Молодец, — одобрительно заметил мистер Пинсент. — Без сомнения, матч организовал ты?
- Правду говоря, я.
- Ну еще бы. Ты работаешь у меня, — продолжал мистер Пинсент ровным тоном, — три месяца. За этот срок ты умудрился полностью деморализовать лучший в Нью-Йорке штат конторских служащих.
- Ах, дядюшка! — с укоризной сказал Сэм.
- Полностью, — повторил мистер Пинсент. — Рассыльные мальчишки называют тебя по имени.
- С ними нет никакого сладу, — вздохнул Сэм. — Я отвечаю им подзатыльники, но привычка оказывается сильнее.
- В прошлую среду я видел, как ты целовал мою стенографистку.
- У бедняжки страшно разболелся зуб.
- А мистер Эллаби поставил меня в известность, что твоя работа — позор для фирмы. — Наступила пауза. — Английские аристократические школы — проклятие нашего века! — произнес мистер Пинсент с чувством.
- Посторонний человек, наверное, счел бы это умозаключение не идущим к делу, но Сэм понял его смысл и оценил по достоинству, как язвительнейший упрек.
- Сэм, в Райкине тебя учили хоть чему-то кроме футбола?

— О да!

— Чему же?

— О, многому чему!

— Никаких признаков этого мне заметить не удалось. И до сих пор не понимаю, почему твоя мать отдала тебя туда, а не в какой-нибудь солидный коммерческий колледж.

— Видите ли, там учился отец...

Сэм умолк. Он знал, что мистер Пинсент не питает особо теплых чувств к покойному Энтони Шоттеру и считает — возможно, с полным основанием, — что его покойная сестрица, выйдя замуж за этого приятного, но ненадежного человека, совершила величайшую глупость в своей легкомысленной и бестолковой жизни.

— Весьма веская рекомендация, — сухо заметил мистер Пинсент.

Возразить на это Сэму было нечего.

— Во многих и многих отношениях ты очень похож на отца, — сказал мистер Пинсент.

Сэм не отозвался и на этот удар под ложечку. Нынче они сыпались градом, но ведь он тут ничего поделать не мог.

— И все-таки я тебя люблю, Сэм, — продолжил мистер Пинсент после короткой паузы.

Вот это больше походило на дело!

— И я вас люблю, дядюшка, — сказал Сэм почувствованно. — Когда я думаю, сколько вы для меня сделали...

— Но, — гнул свое мистер Пинсент, — ты, думаю, будешь мне нравиться даже еще больше, находясь в трех тысячах миль от конторы пинсентовской экспортно-импортной компании. Мы расстаемся, Сэм, — и сейчас же!

— Мне очень жаль.

— А я со своей стороны, — сказал мистер Пинсент, — так очень рад.

Наступило молчание. Сэм, сочтя, что на этом беседе можно считать законченной, встал с кресла.

— погоди! — сказал его дядя. — Я хочу сказать, как я спланировал твоё будущее.

Сэм был приятно удивлен. Он никак не ожидал, что его будущее может интересовать мистера Пинсента.

— Вы его спланировали?

— Да, все улажено.

— Замечательно, дядюшка, — благодарно сказал Сэм. — Я думал, вы собираетесь выгнать меня в бушующую вьюгу.

— Ты помнишь, как познакомился с англичанином, лордом Тилбери, когда обедал у меня?

Еще бы Сэм не помнил! После обеда милорд зажал его в углу и разглагольствовал без передышки добрых полчаса.

— Он владелец издательства «Мамонт», выпускающего много ежедневных и еженедельных газет в Лондоне.

Сэм был об этом хорошо осведомлен — беседа лорда Тилбери носила почти исключительно автобиографический характер.

— Ну так он в субботу отплывает назад в Англию на «Мавритании», и ты отправляешься с ним.

— А?

— Он предложил использовать тебя в своем концерне.

— Но я же ничего не знаю о газетной работе!

— Ты ничего не знаешь ни о чем, — мягко указал мистер Пинсент. — Результат того, что ты обучался

в английской аристократической школе. Однако ты вряд ли способен показать себя у него хуже, чем у меня. Вот эта мусорная корзинка стоит у меня в кабинете всего четыре дня, но она уже знает об экспорте и импорте больше, чем ты узнал бы, пробыв здесь пятьдесят лет.

Сэм испустил жалобный звук. Пятьдесят лет он счел некоторым преувеличением.

— От лорда Тилбери я ничего не скрыл, но тем не менее он намерен нанять тебя.

— Странно! — сказал Сэм, невольно чувствуя себя польщенным таким настойчивым желанием заручиться его услугами у человека, который видел его всего раз в жизни. Пусть лорд Тилбери редкостный зануда, но факт остается фактом: он обладает тем даром, без которого невозможно разбогатеть, тем таинственным, почти сверхъестественным даром распознавать талантливую человека при первой же встрече.

— Все не странно, — возразил мистер Пинсент. — Мы с ним ведем деловые переговоры. Он пытается убедить меня поступить так, как в данный момент я поступать не собираюсь. Он думает, что я буду ему обязан, если он освободит меня от тебя, и в этом он совершенно прав.

— Дядя, — истово произнес Сэм, — я добьюсь успеха.

— Да уж, добейся, а не то... — сказал мистер Пинсент, не смягчившись. — Это твой последний шанс. Нет никаких причин, почему я должен содержать тебя до конца твоих дней, и я не намерен этого делать. Если и в издательстве Тилбери ты будешь валять дурака, не думай, что сможешь кинуться назад ко мне. Упитанного тельца не будет. Запомни это.

— Запомню, дядя, но не беспокойтесь. Что-то говорит мне, что успеха я добьюсь. И в Англию я поеду с удовольствием.

— Рад слышать. Ну, теперь все. До свидания.

— Знаете, как-то странно, что вы меня туда отсылаете, — задумчиво произнес Сэм.

— Не нахожу ничего странного. Я рад, что мне подвернулась такая возможность.

— Да нет... я хочу сказать: вы верите в хиромантию?

— Нет. Всего хорошего.

— Потому что гадалка сказала мне...

— Эта дверь, — сказал мистер Пинсент, — открывается автоматически, если нажать на ручку.

Проверив это утверждение и убедившись в его верности, Сэм вернулся в собственную обитель, где узрел, что мистер Кларенс (Фарш) Тодхантер, популярный и энергичный шеф-повар грузового судна «Араминта», уже проснулся и закурил короткую трубку.

— Что это был за старикан? — осведомился мистер Тодхантер.

— Это был мой дядя, глава фирмы.

— Я что, заснул у него в кабинете?

— Вот именно.

— Ты уж извини, Сэм, — сказал Фарш с благородным сожалением. — Вчера ночью я припозднился.

Он объемисто зевнул. Фарш Тодхантер был тощим, жилистым человеком за тридцать, с высоким лбом и меланхоличными глазами. Раздосадованные товарищи по плаванью, поиграв с ним в покер, иногда уподобляли эти глаза очам скончавшейся рыбы; однако критики, которых не жгла мысль о недавних финансовых потерях, а потому свободные от предубеждения, скорее нашли бы в них сходство с глазами

попугая, после того как тот обозрел жизнь и обнаружил, что она полна разочарований. Фарш обладал сильной склонностью к пессимизму и под влиянием винных паров имел обыкновение темно намекать, что получай каждый по своим правам, так он был бы прямым наследником графского титула. История была длинная, запутанная и бросала тень на всех, кто был к ней причастен. Но поскольку он каждый раз рассказывал ее по-новому, взыскательные обитатели кубрика относились к ней скептически. А в остальном он варил макароны по-флотски лучше всех в Западном океане, но ничуть этим не чванился.

— Фарш, — сказал Сэм. — Я уезжаю в Англию.

— И я. Отплываем в понедельник.

— Да неужели, черт возьми! — сказал Сэм и призадумался. — Я должен уплыть на «Мавритании» в субботу, но, пожалуй, я бы отправился с вами. Шесть дней тет-а-тет с лордом Тилбери меня что-то не прельщают.

— А кто он?

— Владелец издательства «Мамонт», где я буду работать.

— Так отсюда тебя поперли?

Сэма слегка задело, что этот малообразованный человек с такой легкостью докопался до истины. Да и в тактичности Тодхантеру приходилось отказать: он мог бы по меньшей мере сделать вид, будто отставка была добровольной.

— Ну пожалуй, можно сказать и так.

— Да не за то же, что я в его кресле сидел?

— Нет. Причин, видимо, накопилось много. Фарш, а вообще-то странно, что дядюшке пришлось в голову сплавить меня в Англию. На днях гадалка сказала мне,

что скоро меня ждет длинная поездка, а в ее конце я встречу белокурую девушку... Фарш!

— А?

— Я хочу показать тебе кое-что.

Сэм порылся в кармане и извлек на свет бумажник. Завершив эту операцию, он замер. Но затем, видимо, преодолев временные колебания, открыл бумажник и с благоговением индийского священнослужителя, прикасающегося к бесценной реликвии, достал из него сложенный бумажный лист.

Случайный наблюдатель, обманутый веселой беззаботностью его поведения, мог бы счесть Сэма Шоттера одним из тех молодых материалистов, в чьей броне любви трудно отыскать щелочку. И случайный наблюдатель ошибся бы. Пусть Сэм весил сто семьдесят фунтов (только кости и мышцы), а когда его что-нибудь смешило — случалось же это часто, — раздражался хохотом, какому позавидовала бы и гиена в своих родных джунглях, тем не менее ему были свойственны и нежные чувства. Иначе он не носил бы в бумажнике этот лист.

— Но прежде чем я покажу его тебе, — Сэм вперил глаза в Фарша, — ответь, видишь ли ты что-нибудь забавное, что-нибудь смешное в том, как человек отправляется поудить рыбу в Канаде и застревает в хижине среди перевозданной глуши, где нечего читать и некого слушать, кроме дикого селезня, призывающего подругу, и глупостей франко-канадского проводника, не способного и двух слов связать по-английски...

— Нет, — сказал Фарш.

— Я еще не кончил! Видишь ли ты — я продолжаю — что-нибудь нелепое в том, что такой человек в таких обстоятельствах, найдя фотографию красивой девушки, прикнопленную к стене каким-то преды-

душим обитателем хижины, и пять недель глядя на нее, так как смотреть больше не на что, влюбился в эту фотографию? Хорошенько подумай, прежде чем ответить.

— Нет, — сказал Фарш по зрелом размышлении. Он не принадлежал к тем, кто умеет находить смешную сторону в чем угодно и без труда.

— Отлично, — сказал Сэм. — И большое счастье для тебя. Хихикни ты — один-единственный разок, — и я бы обрушил могучий удар на твою сопатку. Ну, со мной как раз это и случилось.

— Что случилось?

— Я нашел вот эту фотографию, приклеенную к стене, и влюбился в нее. Вот погляди!

Он благоговейно развернул лист, оказавшийся половиной страницы, вырванной из иллюстрированной газеты — одной из тех, что скрашивают для англичанина середину недели. Длительное пребывание на стене рыбацкой хижины на пользу ей не пошло. Она выцвела, пожелтела, один угол скрывало расплывшееся темное пятно, намекая, что в тот или иной день какой-то обитатель хижины был неаккуратен с ножом. Тем не менее Сэм взирал на нее, будто юный рыцарь — на Чашу Святого Грааля.

— Ну?

Фарш внимательно изучил половину страницы.

— Баранья подливка, — сказал он, указывая на темное пятно и ставя молниеносный профессиональный диагноз. — Говяжья была бы посветлее.

Сэм устремил на своего друга взгляд, полный сконцентрированного омерзения, который, безусловно, смутил бы более чуткого человека.

— Я показываю тебе это обворожительное лицо, светящееся юностью и радостью жизни, — вскричал

он, — а тебя интересует лишь то, что какой-то вандал, чью шею я с наслаждением свернул бы, обрызгал его своим гнусным обедом! Господи, смотри же на девушку! Ты когда-нибудь видел подобную красавицу?

— Да, она ничего.

— Ничего! Неужели ты не видишь, какая она изумительная?

Сказать правду, фотография в достаточной мере оправдывала энтузиазм Сэма. Она запечатлела девушку в охотничьем костюме, стоящую рядом со своей лошастью. Стройная, с мальчишеской фигурой девушка, лет восемнадцати, чуть выше среднего роста. С фотографии глядели ясные, умные, серьезные глаза. Уголок ее рта чуть задумчиво изогнулся. Рот был очаровательным, но Сэм, досконально изучивший фотографию и считавший себя ведущим мировым специалистом по ней, твердо придерживался мнения, что, улыбаясь, он станет еще очаровательнее.

Под фотографией жирным шрифтом было напечатано:

ПРЕКРАСНАЯ ДЩЕРЬ НИМВРОДА

Ниже столь поэтического заголовка предположительно помещались более конкретные сведения касательно личности прекрасной дщери, но грубая рука, вырвавшая страницу, к несчастью, оставила их под линией разрыва.

— Изумительная! — с чувством повторил Сэм. — Что там Теннисон накропал? Английский розовый бутон, она?

— Теннисон? Когда я плавал на «Морской птице» там был Пеннимен...